

Владимир ВЕЙХМАН

Израиль

Встречать Новый 1955 год мы приехали в общежитие института инженеров железнодорожного транспорта, к двоюродной Алькиной сестре.

– Вот, знакомься, – обратился к ней Алька. – Это Вовка, мой друг, судоводитель. Знаешь, он уже и в Арктике побывал, даже на Земле Франца-Иосифа, на острове Рудольфа, самом северном в нашей стране. Он об этом и стихи написал: «До точки, где сошлись меридианы, совсем недалеко – подать рукой...»

По-видимому, ни данная мне аттестация, ни мое стихотворение не произвели на хозяйку комнаты никакого впечатления, потому что она, надевая пальто, сказала:

– Я иду к девочкам Новый год вместе встречать, а вы тут оставайтесь, хозяйничайте.

По правде говоря, нас это не очень огорчило, потому что все необходимое для празднования мы принесли с собой, включая бутылку ликера «Шартрез» и банку консервов «Печень трески». Было что-то еще, но я уже не помню. Приторно сладкий зеленый ликер мы пили, закусывая тресковой печенью. Это оказалось противным настолько, что меня замутило и вырвало. Алька держался стойко и нашел ведро и тряпку, посредством которых стал убирать следы сотворенного мною безобразия. Я был ему плохим помощником...

Олег Михайлов, в дружеском общении – Алька, окончил школу в Твери (называвшейся тогда Калинин), городе, далеком, казалось бы, от всех морей. Но в тверской земле находятся исторические корни многих знаменитых мореплавателей и путешественников. В одном

из стихотворных посланий Алька вспомнил земляка, ходившего «за три моря»:

*...Не зря Никитин Афанасий
Простер к востоку длань свою...*

Через много лет, обобщив в статье «Малая родина адмиралов» сведения о флотоводцах, вышедших из родных ему тверских краев, Олег назвал имена земляков, составивших их морскую славу. Только маленький Старицкий район дал российскому и советскому военно-морскому флоту десять адмиралов – одно имя громче другого. Альке было с кого брать пример.

«Высшее арктическое морское училище имени адмирала Макарова» – звучало громко, а вообще-то это было маленькое учебное заведение на окраине Ленинграда. Туда поступали либо отпетые головы, которые ни в какие другие вузы поехать не смогли, либо редкие энтузиасты морей и полярных широт, давно уже выбравшие профессию не столько по ее содержанию, сколько по звучному названию: океанолог, гидрограф, судоводитель. Еще привлекало объявление в «Справочнике для поступающих», которое в несытое послевоенное время обещало «полное государственное обеспечение».

И вот он, первый день учебы... Долгожданный призыв: «Рота, на рубон – становись!» Длинные столы в училищной столовой – с каждой стороны оголодавшие вчерашние абитуриенты, наконец-то поставленные на курсантское довольствие.

Правда, первое же практическое занятие – по высшей математике – разочаровало. Ассистент Сякин, на моряка вовсе не похожий, рассказывал что-то о решении систем линейных уравнений с помощью определителей. Алька попытался поделиться с Лехой, соседом по парте, своим мнением насчет этого малоинтересного предмета. Сосед Алькиного мнения не разделял, а Сякин одернул Олега как школяра.

То ли дело было – вычислительная геодезия. На самоподготовке старшекурсники крутили ручки арифмометров «Феликс», и те с веселым треском выдавали ряды цифр, которые нужно было каллиграфическим почерком переносить на бумагу. У Альки, как и у всех гидрографов, выработался и сохранился на всю жизнь четкий профессиональный навык писать аккуратно и разборчиво.

Самыми увлекательными были, конечно, занятия по морскому делу. Альку словно пьянила специфическая морская терминология, и он к месту

и не к месту вставлял полюболюбившиеся ему названия: «ботдек», «салинг», «грот-стень-стаксель», «выбленка»... Даже прозаическое «шкимущгар» – тонкий трос, свитый из распущенных прядей старой пеньки, звучало в его устах как название экзотического груза, тюками доставляемого куда-то на Мадагаскар...

Олег нередко напускал на себя меланхолическую таинственность, хотя меланхоликом он вовсе не был. Молодой парень высокого роста, со спортивным телосложением, с иронической усмешкой в чуть прищуренных темных глазах, он отличался жизнерадостностью и был неистощим в язвительных шуточках.

В любой игре – в карты, в настольный теннис – Алька был азартен и чаще всего выигрывал. Когда мы парой садились играть в домино – в «морского козла», мы неизменно побеждали, хотя никакими тайными или явными знаками никогда не обменивались. Напрасно думают, что это глупая игра – ставь костяшки, и все. Она требует понимания психологии противника, а еще больше – партнера, а без этого лучше за стол не садиться. Дело вовсе не в намеках или подсказках; хороший партнер всегда сохраняет невозмутимое выражение лица. Манера игры была у нас настолько одинакова, что мы, даже не глядя на напарника, нутром понимали, выставляет ли он те «кости», которых у него полные руки, или блефует, – как говорят доминошники, «спекулирует».

Меня сблизил с Олегом его музыкальные пристрастия. У меня с музыкальной подготовкой был полный ноль, в чем я откровенно сознался.

– Хорошо, сейчас проверим, – сказал Алька. – Вот это – что такое, узнаешь?

– Ну, это все знают – полонез Огинского. Его чуть не каждый день по радио передают.

– А это что?

– Кажется, «Турецкий марш» Моцарта?..

– Верно! А это что?

– Нет, что-то, конечно, знакомое, но что именно, не скажу.

– Это «Сентябрь» из «Времен года» Чайковского. А это вот, слушай... Это снова Моцарт, Сороковая симфония. А вот тебе Шопен... Вот Бетховен... А вот опять Моцарт – «Реквием»... Я вижу, на тебя тоску нагнал. Давай что-нибудь повеселее. Вот Верстовский – из «Аскольдовой могилы». «Близко города Славянска...», – запел Олег приятным баритоном...

«Мартина Идена» Олег перечитывал много раз. Судьба простого моряка, ставшего знаменитым

писателем, искренне волновала Альку: он примерял ее к себе. Литературные темы, рассуждения о прочитанном сблизили нас с Олегом. Читали мы, в общем-то, одно и то же. Открытиями, которыми мы спешили поделиться друг с другом, стали «Корзина с еловыми шишками» Паустовского, «Зимний дуб» Нагибина, «Голубое и зеленое» Казакова. Олег любил и понимал стихи, многое он знал наизусть: Есенина, Блока, Киплинга. Милая лаборантка Ольга Николаевна оставляла нам ключи от кабинета марксизма-ленинизма, где мы под уютной зеленой лампой листали «Чтеца-декламатора» дореволюционного издания, впервые познакомившись с именами запрещенных тогда поэтов Николая Гумилева, Зинаиды Гиппиус, Игоря Северянина...

В прогулках по улицам Северной столицы Алька рассказывал невероятные истории, то ли сочиненные им самим, то ли почерпнутые из бездонных колодезев курсантского фольклора. А иногда тема разговора была совершенно неожиданной: так, однажды он удивил меня тем, что с неподдельной заинтересованностью изложил на ходу один из сложнейших вопросов теории девиации магнитного компаса.

Олег в изобилии сочинял стихи, в которых чаще всего фигурировала все та же морская тематика:

*Хлещут в люки клочья пены,
Мачты смотрят в вышину,
Наше судно постепенно
Погружается ко дну...*

*Кок схватил и круг, и пояс
И на брамсель-рей залез,
А радист, вконец расстроясь,
Бьет зубами: «Эс-о-эс...»*

*Уподобившись пиратам,
Весь войдя в ажиотаж,
Капитан отборным матом
Ободряет экипаж...*

Сочинение стихов он рассматривал как поверхностное увлечение, а вот к прозе тяготел всерьез. Тем не менее проза давалась Олегу нелегко, то и дело он ловил себя на том, что съезжает в сентиментальность, которой терпеть не мог, и еще и еще раз переделывал написанное.

У него уже сложились определенные принципы писательства, о которых он поведал нашему общему другу Брянцеву:

– Видишь ли, Валька, вот ты говоришь, что тему выбрать трудно. Я думаю, что все вокруг достойно творческого осмысления. Представь себе, ты идешь, скажем, возле Гостиного двора, а навстречу – девушка, совершенно тебе незнакомая. Ты взгляни на ее лицо, одежду, походку и попытайся представить, откуда она идет и зачем. Может быть, у нее какое-то горе, скажем, в семье разлад (кстати, подумай, по какому поводу), и она спешит к подруге, чтобы высказать ей все, что накипело, и облегчить душу...

– Вот-вот, – подхватил Брянцев, – она приходит к подруге, а той дома нет, и что же теперь поделать, позвонить, что ли, старой тетушке? Она роется в сумочке, чтобы найти монетку для автомата, а монетки нет, она оглядывается, не обронил ли кто-нибудь денежку...

– Ну, ты правильно понял, о чем еще говорить?

Валентин Брянцев, по прозвищу Родрига, был неизменным объектом наших дружеских посланий, которые мы сочиняли совместно – строчка моя, строчка Алькина. Сказать, что наши «юнкерские» стихи были солоноваты, – значит, ничего не сказать. Правда, нецензурных выражений мы не употребляли, но неприличных реминисценций хватало, например, вроде этой:

*...Еще Боккаччо Джованни,
Он отдавал природе честь,
Он знал – таится ад в Светлане,
А у Родриги дьявол есть...*

Мы посещали занятия литературного объединения «Нарвская застава». Хотя Олег представлял на обсуждение лишь, в сущности, пробы пера, руководитель объединения, поэт Николай Дмитриевич Новоселов, отмечал в них добротный язык, обостренное чувство юмора, свежесть взгляда, умение увидеть необычное в обыденном. Несомненно, что и Новоселов, и наши общицы товарищи по «Нарвской заставе» видели в Олеге перспективного писателя, который сумеет в литературе добиться своего.

Весной 1956 года мы приняли участие в совещании молодых ленинградских писателей. Олег был приписан к семинару прозы, где одобрительно отозвались о его рассказе, потом он приходил ко мне на семинар, которым руководил поэт-маринист Всеволод Борисович Азаров, а почти все участники имели отношение к военноморскому флоту. Кроме того, к нам направили – похоже, для перевоспитания, – двадцатилетнего

Евгения Рейна, который к морю не имел никакого отношения. Рейн представил на обсуждение свою поэму «Рембо». Читал он с большой экспрессией, заражая слушателей ее напором, а тематика поэмы была непривычна и неожиданна.

Мы с Олегом о Рембо вообще почти ничего не знали. До следующего заседания семинара я разыскал резко отрицательное суждение Горького о попытке Рембо окрасить гласные в разные цвета, да еще припомнил, что он промышлял работоторговлей, и выступил в этом духе, упомянув о некрасовской традиции в русской поэзии, на что Евгений изумленно воскликнул: «Как?! А «Пьяный корабль»?!»

Как-то после завершения официальной части к нам с Олегом в ресторане Дома писателей подсел Игорь Ринк, друг Новоселова, известный тогда в Питере «поэт с гитарой». Прикладываясь к стакану с мадерой, он разоткровенничался о том, как служил в охране Сталина и как ему удалось добиться, чтобы его выгнали за пьянство с этой опасной службы. Потом он читал нараспев свои стихотворения о моряках в бескозырках и тельняшках, а окончательно сразил нас «поэтическим шедевром»:

*Дайте мне за рубль двадцать
Женщину с огнем,
А потом за рубль сорок
К доктору пойдем...*

Забавно, что Олег в одной из своих автобиографических заметок писал (к тому же ссылаясь на меня), что на этом совещании ему довелось встретиться с Константином Паустовским и увидеть «пожилую даму в черном» – Анну Ахматову, а рядом с ней двух мальчиков – толстого Женю Рейна и худенького Иосифа Бродского. И слышал, как читал стихи молодой моряк Николай Рубцов. Свидетельствую, что тут, кроме упоминания о том, что Олег видел Евгения Рейна, всё остальное не соответствует действительности. Алька никогда не встречался ни с Ахматовой, ни с Иосифом Бродским, который появился в литературных кругах Питера, когда нас там уже не было, ни с Николаем Рубцовым, который приехал в Ленинград уже после нашего выпуска из училища и отъезда по местам распределения. Алька вообще нередко был склонен к мистификациям.

Он обладал настойчивостью и упорством в достижении целей, даже самых, казалось бы, не-

вероятных, и всегда первым лез туда, где его присутствие вовсе не было обязательным. В Арктическом научно-исследовательском институте, где Олег проходил летнюю практику, он добился, чтобы его взяли в высокоширотную экспедицию в Гренландское море. Там он даже попал в серьезную переделку. Вертолет, на борту которого Олег находился, из-за поломки совершил вынужденную посадку на ледяной купол одинокого острова Виктория, и для спасения полярных робинзонов пришлось организовывать целую спасательную операцию.

Авантюрной идеей отправиться в Антарктику Олег заразил и меня.

– Вовка, есть шанс попасть в антарктическую экспедицию.

– Ну да, там только нас не хватает. Туда вроде бы кто-то из наших преподавателей собираются, и то не всякого возьмут. А мы-то кому там нужны?

– Нет, ты послушай. Первая экспедиция отправилась в ноябре прошлого года. А сейчас готовится вторая. Начальником морской части экспедиции назначен профессор Максимов, наш заведующий кафедрой океанологии. Так вот он предложил послать с ним двух-трех курсантов-океанологов, разумеется, с выпускного курса. Кое-кто уже собирается туда.

– Так это же океанологи, а мы-то тут при чем?

– Это как посмотреть. Экспедиция – комплексная, значит, без гидрографов там не обойтись. А уж вам-то, судоводителям, сам бог велел отправиться в такое плавание. Считаю, что это будет преддипломная практика. А что касается Максимова, то тут важно, что это его идея насчет курсантов. А уж какой специальности – что он, откажется, если среди них будут не одни океанологи? Я сам слышал, как Инюшкин, который был капитаном на «Оби» в гренландском рейсе, сказал, что если бы была возможность снова пойти в Антарктиду, он устроился бы на судно хоть матросом-уборщиком.

– Инюшкину хорошо говорить, ведь даже уборщику и то в полярке платят зарплату с разными там надбавками, коэффициентами, да еще инвалита при заходах, а нам-то что? Только от своего выпуска на год отстанем.

– Считаю, что не отстанем, просто последний год будем учиться по заочной системе. Возьмем с собой учебники, а в экспедиции участвуют и наши преподаватели, и проконсультируют, и экзамены примут.

...Конец октября 1956-го... К отходу дизель-электрохода «Обь», головного судна антарктической экспедиции, мы уже не успевали. Придется отправляться вдогонку на теплоходе «Кооперация», который должен подойти в Калининград.

Фотокорреспондент областной газеты запечатлел нас для очередного номера. Алька вообще был фотогеничен и на этом снимке получился лучше всех. Он, как всегда, на видном месте – в черной курсантской шинели, в фуражке-«мичманке», сдвинутой на правую бровь, со слегка сощуренными живыми темными глазами под густыми бровями, с неизменной улыбкой на лице, одновременно приветливой и саркастической.

«Кооперация» везла людей и грузы на станцию Мирный, базу советских экспедиций в Антарктиде. Олег на многие годы сохранит самодельный судовой журнал, который мы по всем правилам вели вахту за вахтой. В короткие тропические сумерки зажигаются звезды южного полушария, и только успевай измерять их высоты, пока горизонт не скрылся в чернильной мгле. Алька спешил, обработав результаты измерений, отметить полученную точку на карте и не скрывал гордости от того, что она оказалась совсем неподалеку от той, которую нанес капитан.

У Мирного мы перешли на дизель-электроход «Обь», направляющийся для выполнения обширного комплекса исследований в Южном океане. Мы несем вахты на руле и наравне с другими сотрудиниками гидрографического отряда экспедиции ведем навигационную прокладку. На карты, где зияют огромные пространства белых пятен, по выполненным нами наблюдениям и расчетам будут впервые нанесены отметки глубин в океане и контуры ледяного побережья Антарктиды.

Вот Олег вызывается помочь геологам, которые во главе с корифеями их науки Лисицыным и Живаго вбивают в морское дно сверхдлинную трубку, чтобы получить рекордную пробу грунта.

Вот он в брезентовой робе перед заходом в Кейптаун моет надстройки в бригаде боцмана Сапронова.

Вот обсуждает какие-то проблемы с бородатыми кандидатами наук Беклемишевым и Пастернаком; возможно, намеревается разжиться спиртом, который полагается гидробиологам для сохранения их экспонатов.

Вот позирует Майе Лебедевой, сотруднице гидробиологического отряда, которая в поисках импозантной природы выбрала именно Олега, чтобы написать карандашный портрет.

Вот он добился, чтобы его, единственного из шестерки практикантов, взяли в экипаж шлюпки, который совершал высадку на острова Рёуэр в заливе Олаф-Прюдс.

А вот соорудил кренометр, у которого грузик на нитке показывал амплитуду бортовой качки по шкале в виде возлежащей девицы в бикини; посетители нашей каюты, к удовольствию «изобретателя», с серьезным видом обсуждали, до какого места дойдет грузик при очередном размахе.

Нередко Алька должен был сменять меня на ночной вахте. Минут за пятнадцать до смены вахт я спускался в каюту, чтобы разбудить его; однако частенько он в урочный момент на мостик не прибывал. Я снова спускался в каюту и обнаруживал Олега спящим все в той же блаженной позе. Тогда я сменил тактику и не уходил до тех пор, пока Олег не спустится со своей верхней койки и не оденется...

Вернувшись из экспедиции, мы устремились вдогонку за сокурсниками, уже сдавшими государственные экзамены и защитившими дипломные работы. Еще нам хватило времени пофантазировать вдвоем на предмет сочинения повести, главным героем которой должен был стать некий капитан Сабакин. Сюжет повести вырисовывался смутно, и лишь два персонажа были видны более отчетливо: научные работники – угрюмый догматик Чунаев и суетливый ревизионист Айзеншток. Но дальше неопределенных фантазий дело не пошло. Я даже по случаю пожаловался Новоселову и Ринку, что друг мой не оправдывает моих надежд и уклоняется от литературных занятий, за что получил от старших товарищей резкую отповедь в том смысле, что настоящий талант не следует подгонять, он все равно сам себя покажет.

На прощанье Олег преподнес мне тяжелую книгу, посвященную тактике сражений на море, изданную давным-давно и богато иллюстрированную. Надпись на ней гласила:

*Владимир Вейхман! Я не жаден,
Но слишком скуден мой талант.
Прими в подарок фолиант,
Который мною был украден.*

Я уехал на Дальний Восток, а Олег вскоре после окончания училища отправился в очередную, четвертую, советскую антарктическую экспедицию. В качестве штурмана-геодезиста он проводил санно-тракторные поезда по ледяному панцирю шестого континента. Не все получалось

сразу в условиях невероятного холода, разреженного воздуха, которым трудно дышать. В первом походе «Харьковчанка» Олега в пургу отклонилась от курса и едва не ухнула в спрятанную под снежным настом широкую и глубокую трещину во льду. Место остановки было язвительно названо станцией Михайловка. Но в дальнейшем Олег точно выводил поезд на внутриконтинентальные станции.

В первые дни 1960 года из Антарктиды ко мне пришла радиограмма Олега: «Ну вот и мы с тобой шестидесятники...»

После возвращения он принимал участие в работах на Черном и Средиземном морях, но рвался на океанский простор, о чем писал мне из своей научной конторы:

*...И в день, и в ночь, и в шторм жестокий,
Пока работают зады,
Чунаевы и Айзенштоки
Плодят ученые труды.*

*...К многострадальному Живаге
Я направлял стопы свои,
С Лисицыным сидел я в «Праге»,
Как с Алишером Навои.*

*Молил горячими слезами:
«Хочу на Тихий океан!»
Берут с руками и ногами,
Но в марте.
Может быть, обман.*

*И, чтоб верней попасть на «Витязь»,
Я нищим мелочь подаю.
«Молитесь, – говорю, – молитесь
За душу грешную мою!»*

*Приспичит – вспомнишь и о Боге!
Поставил господу свечу.
В мечети, в церкви, в синагоге
Поставить по свече хочу...*

Олег, со столь свойственной ему настойчивостью, все-таки пробился в очередной рейс на «Витязе», знаменитом научно-исследовательском судне, а затем и на других судах участвовал в изучении южных, дальневосточных и полярных северных морей. Он был поглощен своей научной работой; его изыскания были посвящены морской геоморфологии – науке, изучающей строение рельефа дна океанов и морей. По этой

тематике он защитил кандидатскую диссертацию. Мы изредка встречались, вспоминали совместную учебу и участие в антарктической экспедиции. Олег был жизнерадостен и полон энергии, даже, как мне показалось, несколько самоуверен в своей поглощенности экспедиционными и научными заботами.

Конечно, мне было приятно, что мой друг состоялся как ученый – исследователь океанов и морей, но не оставляло и чувство горечи: казалось, что его навсегда покинули литературные увлечения молодости.

На какое-то время Олег попал на бумажно-канцелярскую работу, ответственную, но не связанную с выходом в море, без которого он чувствовал себя ущемленным, хотя старался этого не показывать.

При последней нашей встрече он плохо выглядел, жаловался на здоровье, разговор на литературные темы не клеился. К сожалению, вскоре после этого из-за его и моего переездов мы потеряли друг друга. Годы пролетали один за другим, а до меня доходили только обрывочные сведения: что Олег перебрался в Мурманск, что он часто отправляется и в плавания и в дальние командировки и что, наконец, он что-то пишет и даже печатается в местной прессе.

Последнее известие было для меня неожиданным, и с появлением Интернета я снова пытался найти следы своего друга, набирая в поисковике имя «Олег Михайлов», но среди сайтов, содержащих упоминания о многочисленных однофамильцах, ничего подходящего не обнаруживал.

Бесчувственная информация, которая, в конце концов, отобразилась на экране компьютера, была поразившим меня откликом на смерть друга моей молодости. Он умер от сердечного приступа в 2004 году.

Как-то, ожидая устройства на летнюю практику, мы с Олегом сочиняли очередное послание своему другу Брянцеву, находившемуся в океанографической экспедиции:

*...А в Питере идут дожди.
Был слух – потоп начнется вскоре.
Еще письма от нас не жди.
Жизнь коротка.
Уходим в море.*

Мы тогда и не знали толком, как мы были правы: жизнь действительно коротка.

Я не мог обнаружить Олега раньше потому, что

его произведения публиковались, как правило, под псевдонимом «Михаил Тверцов». Имя он взял по своей фамилии, а фамилию – по «малой родине», городу, которому вернули историческое название – Тверь.

Вот как оно получилось. Сколько уж лет не виделись, а теперь оказались по разные стороны черты, разделяющей настоящее и невозвратное прошлое.

Я прочитал отклики писателей-мурманчан о их коллеге, Михайлове-Тверцове: «Профессиональным писателем он стал довольно поздно, но новичком в литературе назвать его было нельзя... Некоторое время он даже был ответственным секретарем мурманской писательской организации.

Олег Викторович писал отличную прозу – яркую, гротесково-ироничную, очень интересную... Общаться было в радость – собеседник он был отменный. Умница, интеллигент... Очень красивый человек. Таких сейчас почти не осталось...»

В родном городе Олега, Твери, в 2005 году вышла его книга «Восемь румбов от ветра». Я прочитал сочинения Олега и убедился, что на излете жизни мой друг состоялся как писатель. В большинстве своем его повести и рассказы – это плоды вполне зрелого таланта, они написаны богатым и сочным русским языком, наполнены смолоду отличавшим Олега юмором.

В произведениях Тверцова я пытался отыскать след прежнего Альки Михайлова. На первый взгляд, найти его было совсем несложно.

Автор щедро раздавал своим персонажам фамилии наших общих знакомых. Похоже, что Олег, когда писал свои повести и рассказы, использовал без труда всплывавшие в памяти имена. Первоначально мне показалось, что я оказался в компании давно мне знакомых людей. Однако вскоре я убедился, что ошибаюсь. Характерные черты личности этих персонажей, как и обстоятельства, в которых они жили в созданном Тверцовым мире, чаще всего были совершенно иными.

В фамилии старого морского волка Инюшкина Олег заменил одну букву: «Капитан Анюшкин». Он подправил и фамилию летчика Ерохова, который был приметной фигурой в нашем антарктическом рейсе; появился летчик Ерохин.

Фамилией «Сякин» в одной из повестей Олег назвал поэта-песенника, негласного сотрудника спецслужбы. Похоже, этим автор выразил свою неприязнь к реальному обладателю этой фамилии, нашему преподавателю математики, хотя

тот такой неприязни, конечно же, не заслуживал.

«Тень отца Гамлета» попала в текст одного из рассказов не случайно: это было прозвище самого Олега, употреблявшееся в узком кругу его товарищей – за худощавость и саркастически-меланхолическую таинственность, обычное выражение его лица; впрочем, чаще в варианте «Тень отца Михайлова». Однажды друг наш Митрич, не мудрствуя, окликнул Альку: «Эй, Тень!» И тут же получил сдачу: «Что, Пень!»

Персонажи Тверцова поют: «По морям и океанам злая нас ведет звезда» – эту песню мы пели нестройным хором, словно воображая себя героями пиратских времен.

Баркентина «Альфа», фигурирующая в одной из повестей, названа по имени учебного парусника нашего училища. А для капитана «Альфы» Олег не пожалел черной краски. Его капитан – заурядный советский бюрократ, который появляется на мостике в галошах и с зонтиком, что вообще нелегко для настоящего моряка. Он, «правильный» руководитель в духе времени, постоянно занят деловыми бумагами, перепиской, сам проводит политзанятия, имеет похвальное обыкновение лично знакомиться со всеми членами экипажа и требует точного соблюдения положений устава. Увлечение у него самое заурядное – народная медицина; «Шалфей – превосходное средство...» – говорит он занудным высоким голосом.

Волею автора капитан «Альфы» получил фамилию Дралкин. Видимо, реальный Дралкин, начальник 4-й советской антарктической экспедиции, в которой участвовал Олег, здорово досадил Альке, раз тот дал его фамилию главному отрицательному персонажу своей повести.

Многие действующие лица повести «Восемь румбов от ветра» больше похожи на киношных пиратов из довоенного фильма «Остров сокровищ», чем на наших современников. Автор и не скрывает этой аллюзии: «...Всё вокруг вдруг показалось неправдой, будто случилось проснуться среди пиратов Стивенсона». Автор заставил их жить по особым «морским» законам и изъясняться на придуманном «морском» языке. Вот как, например, изъясняется один из героев повести: «...Боцман – это мама и папа матроса! Он – проклятие матросской судьбы и сама судьба! Боцман есть самый ужасный морской дракон!.. Он может сожрать тебя, переварить и остатки отдать на корм рыбам... Так сказано в «Библии моряка». Тот же персонаж втолковывает новичку якобы «морские» обычаи: «Ты нагл, новичок... Ты занял

за столом место боцмана и, значит, заявил право быть им. Пусть море рассудит нас. Рейс длинный. Команда решит, кому уходить – тебе или мне».

Совсем другая тематика представлена в повести «Вирус трулименторности». Повесть претендует на широкие обобщения насчет настоящего и будущего России. Действие в ней, происходящее на переломе эпох, укладывается в три памятных для России дня 1993 года, когда острота конституционного кризиса достигла своего апогея и переросла в вооруженное противоборство президентской власти и осажденного Верховного Совета. Ареной действия является не какая-то невзрачная баркентина на краю света, а центр Москвы с ее «Белым Домом» и «гранитным зданием на площади с пустующим постаментом».

Трулименторность, как ее определяет один из персонажей, – это дурацкая правдивость; зараженный ее вирусом не может сказать ничего, кроме правды.

Главный носитель вируса правды даже не имеет ни имени, ни фамилии («Бесфамильный», как его называет санитарка Варвара Степановна, что лишь подтверждает факт отсутствия фамилии). Он появляется ниоткуда (из организации «А-666»; 666 – сатанинское число) и исчезает в никуда. Как записано в его «истории болезни», он утверждает, будто в каждом человеке спрятан еще человек, который больше и выше первого... И задача человеческой жизни – большого и высокого человека из маленького выпустить на свободу...

Эта нехитрая шарада легко разгадывается: большой и высокий человек – это духовность, а в более узком значении – совесть. «Бесфамильный» и есть овеществленное воплощение совести, и этим он опасен и начетчику Топтунову, и сексоту-энтузиасту Сякину, и директору кабинета с видом на площадь с пустующим постаментом. Хозяин другого кабинета в том же доме («старик») живо изображает угрозу распространения вируса: «...Последствия даже не поддаются оценке. Например, дипломатия станет чем-то вроде игры в шашки (думаю, что это ошибка редактора – имеется в виду игра в поддавки. – **В.В.**). Кандидаты в президенты публично признаются в умственной немочи... Депутаты громогласно каются во взятках и всяких гадостях... Погибнут все великие, всепобеждающие идеи, ибо вирус уничтожает заблуждения...»

Не случайно автор приводит «Бесфамильного» в квартиру, номер которой – 69 – в эзотерике представляет собой символ духовного со-

вершенства человека самого в себе. История этой квартиры – в сущности, история России с царских времен до дней повествования: тут и уплотнение с вселением «гегемонов», и проклятие 37-го года, и бесследное исчезновение «кожаного начальника» в пору XX съезда, и возвращение реабилитированной великомученицы с лагерным дитем...

Но недолго пребывает на свободе центральный персонаж повести, немногих успеваешь заразить правдой. Он снова водворен в Особую Краснознаменную психиатрическую больницу, в палату 505... (*Числу 505 я не нашел подходящего эзотерического толкования. Может быть, подумывается, что его начертание должно напоминать буквенное сочетание SOS – сигнал бедствия? – В.В.*)

Другая линия – судьба небесталанного скульптора Симеона Симеоновича Заносилова, который, заразившись вирусом трулименторности, внезапно ощутил к себе неодолимое отвращение за причастность к суете «воспеть да восславить». Когда он попытался жить по совести, «Хозяин» приказывает «отсечь» его, чтобы он не заразил своих именитых клиентов. Это самое «отсечь» вылилось в масштабную операцию с участием майора Булыги, существующего для «этих» дел, офицеров из «гранитного здания», группы поддержки и остальных – «ну чистая банда, аж расстрелять хочется». Подобран и убит подходящий двойник Заносилова; санитар морга записывает его под номером двести семь (снова автор обращается к эзотерической символике: число 207 знаменует судьбоносный переход в другую реальность). А в Святотроицкой обители появился новый послушник, крупный человек с натруженными и чуткими руками ваятеля.

Тверцов решительно выступает против культа вождей, которые «по горло в людской крови перекроили национальный уклад и великую культуру России». А сама Россия предстает в образе взлохмаченного, темного ликом старика в сером тряпье и солдатских кирзовых сапогах, в ватном треухе которого скупое, как слезы, поблескивает мелочь. Автор с глубоким пессимизмом предрекает, что в жестокой борьбе не победят «ни те, кто внутри Белого Дома, ни те, которые снаружи». Устами одного из персонажей повести – «Директора» – утверждается неизбежность победы «третьей» силы – всеведущей ГБ: «...кто бы ни пришел к власти, он будет вынужден опереться на нас».

Некоторые рассказы можно отнести к жанру непринужденного балагурства. Это забавные анекдоты, присущие своеобразной среде полярных зимовок и аэродромов, розыгрыши то доверчивых корреспондентов, то собственных коллег – летчиков.

Летчики полярной авиации – любимые герои Тверцова, переходящие из повести в повесть. Ему импонируют их мужество без позерства, нежность без сентиментальности, грубоватый юмор, бесхитростная верность в дружбе. Олег и в реальной жизни всегда стремился к таким людям, ценил их товарищество, даже во многом подражал им в манере поведения.

Тверцов обращается также к образам и событиям далекого прошлого. Рассказанная им история о философе Диогене «Золото Синуэссы» мало достоверна; впрочем, что в легендах о Диогене достоверно? Своему собеседнику, претору римской провинции, киник толкует о демократии, о противоречии между правителем и народом. «Богатство – забота лишняя, это мешает думать и не продляет жизнь ни на минуту», – утверждает философ, для которого даже в миг смерти высшей ценностью осталась свобода.

Мигель Сервантес, прообразом которого, несомненно, послужил сам автор в повести «Тощий всадник на изможденном коне», делится своими размышлениями: «...Кажется, я совершил ошибку: сочинил слишком серьезно, пытался утверждать истинное. Но истина вовсе не цель искусства...» Он словно оправдывается: «Если сочинитель любит людей, он позабавит читателя...» Собеседник Сервантеса рассуждает трезвее: «...Смешное слишком быстро становится грустным. Людям приятнее читать о тайных пороках и преступлениях, потому что тогда собственные грехи кажутся мелочными и можно простить самому себе и утешиться».

Другой принципиальный вопрос, который обсуждается доном Мигелем с его собеседником, – это вопрос о разделении душ людей, которым Создатель почти поровну раздал добро и зло. Дон Мигель размышляет: «...Бог не истина и даже не большая часть ее. Он всего лишь любовь и сострадание к людям... Ко всем: праведникам и заблудшим, голодным и страдающим от обжорства, здоровым, увечным, нищим и королям... И еще Бог – это надежда на лучший жребий и, может быть, на бессмертие, которое, по-моему, есть только долгая память людей... А Истина, конечно, вмещает добро и зло, и человеку дано вы-

бирать себе большую долю того или другого, или всего понемножку – это и будет его душой, и жизнью, и памятью о нем».

Рассказ «Пустяшный визит» написан как бы неторопливо, со вкусом: описание консульства в Стамбуле, незамысловатая биография консула Левина, характерная для служивого советского дипломата, – «с годами пришло умение, но стало почти ненужным...» Рассказ заканчивается на трагедийной ноте: не принявший власти большевиков полковник белой армии просит разрешить ему взять небольшой пакет русской земли, привезенной в Порту еще по повелению Государя Петра Алексеевича: «...разделим землю господам офицерам и казакам по горсти, чтобы по православному обычаю каждому на гроб».

Мне удалось разыскать сына Олега, Алексея Михайлова. Он переслал мне литературный архив отца, содержащий, по-видимому, все, им написанное. Как мне показалось, особого внимания заслуживают мысли Олега о писательстве. Обращаясь к творческой молодежи, он пишет:

«...Важно изначально понимать, что научить писательству, как ремеслу, нельзя. Мастер может только поделиться личным опытом и подсказать некоторые приёмы писательской техники...»

Начинающий литератор должен знать: писатель – не феномен, озаренный свыше. Писательская работа чрезвычайно трудоёмка, хороший мастер слова – прежде всего труженик. Творчеству отдаётся жизнь, знание мира, размышления, зрелая и отстоявшаяся культура интеллекта. Бесстыдно лезть в великую литературу России с куцыми познаниями и самомнением филлистера.

И ещё: в истории чрезвычайно редки случаи, когда даже большой писатель нажил бы творчеством существенное богатство. Вместе с тем литературный мир кишит продуктивными и оборотистыми творцами всевозможной конъюнктурной дешевки, которую широкая публика нередко принимает за искусство. До тех пор, пока вы не уясните, почему Пушкин, Толстой, Чехов – великие мастера, а какой-нибудь Бабаевский – в лучшем случае удачливый литературный конъюнктурщик, вам в русской литературе делать нечего.

Не менее существенна и личная цель, которую с самого начала ставит перед собой серьезный литератор. Многие начинающие не имеют отчётливо поставленной задачи собственного творчества, но именно она определяет и направление, и жанр, и технические приёмы работы над произ-

ведением, и, что ещё более важно, – успех и признание и, стало быть, судьбу автора...»

Писатель М. Тверцов постоянно пытался осмыслить свой путь в литературу; этому вопросу посвящены многие из его заметок.

«Первая профессия, с которой часто начинается трудовая жизнь будущего писателя, часто не связана с литературной работой, но она обычно обогащает. Личный опыт и впечатления могут впоследствии существенно помочь в выборе сюжета, героев или деталей. Это видно на примере хотя бы морских писателей: Конрада, Мелвилла или в русской прозе – Станюковича, Белоцерковского, Новикова-Прибоя... Но не менее известны морские писатели – не моряки: Стивенсон, Хемингуэй или наш Александр Грин... Пожалуй, профессионалам, наконец-то погрузившимся в писательскую работу, всё-таки приходится жалеть, что на первую профессию затрачено слишком уж много времени. Это потому только, что собственный стиль художника слова зависит не от житейского опыта, а от глубокого понимания проблем человеческой жизни, от фантазии и вдохновения и от строгого выбора писательских средств, которыми мастер добивается нужного ему эмоционального и эстетического эффекта».

Свое эссе «Начало», полное домыслов и фантазий, Олег завершает словами: «И впереди было море: его люди и корабли, и рейсы, и страны – впечатления и опыт, без которых не может состояться писатель».

На фотографиях последних лет жизни, которые переслал мне его сын, Олег выглядит как тяжело больной человек, но все так же, как в молодости, он в неизменной морской форме со всеми подобающими регалиями. Олег любил носить форму, дополняя ее уставную строгость маленькими вольными деталями, вроде тельняшки под кителем вместо сорочки с галстуком.

Мне кажется, что друг – это не только тот, с кем приятно порассуждать о приятных материях или вместе провести дни отдыха. Друг – это тот, кто поддержит и выручит тебя даже в таких несимпатичных ситуациях, как у нас это было с Олегом при встрече Нового 1955 года. Много лет спустя я нашел в архиве Олега добрые слова о себе: «Как-то субботним вечером в пустой класс, где я читал или решал что-то не слишком важное, зашёл мой товарищ – единственный на курсе серьёзно увлечённый поэзией человек Володя Вейхман, писавший умелые, крепкие стихи». Я словно слышу три долгих прощальных гудка, которые по традиции полярных мореплавателей подает судно, покидая гостеприимный порт ради беспокойного, но любимого моря.

□

Владимир Вениаминович ВЕЙХМАН

родился в 1934 г. в г. Хабаровске.

После окончания в 1957 г. Ленинградского высшего инженерного морского училища им. адмирала Макарова работал помощником капитана на рыболовных судах, более 40 лет преподавал в морских учебных заведениях.

Кандидат технических наук, доцент.

С 2000 г. живет в Израиле.

Член Союза русскоязычных писателей Израиля.

Большая часть его литературных произведений посвящена морской тематике. Печатался в литературно-художественных журналах, альманахах и сборниках в России и в Израиле.

В 2002 – 2010 гг. опубликовано пять книг его документальной и научно-художественной прозы, две книги стихотворений.

